

DOI 10.15826/izv2.2017.19.1.010
УДК 94(470)“1150/15” + 349.23 +
+ 35.073.532.4

О. В. Семенов

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

ЯМСКАЯ РЕФОРМА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI в.

В статье на основе широкого круга источников и литературы рассматриваются изменения, происходившие с правительственной связью в царствование Ивана Грозного. С необходимой полнотой восстановлен ход ямской реформы. Вместе с тем уточнен и пересмотрен ряд утвердившихся в историографии выводов. Продемонстрировано негативное воздействие нововведений на материальное положение посадских и сельских тяглецов за счет увеличения и развития натуральной и денежной ямской повинности. Определены хронологические границы реформы (отмечен постепенный характер преобразований, начатых «Избранной радой» и продолженных после ее отставки), проанализирован социальный облик ямских охотников, изучена их внутренняя организация, сочетавшая черты приказного управления и общинного самоуправления. Отдельное внимание уделено системе ямских привилегий (административных, судебных, финансовых и др.). Доказано, что с юридической точки зрения они не имели принципиальных отличий от льгот, закрепленных в уставных, а также отчасти в тарханских, льготных и несудимых грамотах другим категориям населения. Делается вывод о том, что в целом положение ямских охотников было непростым и со временем ухудшалось, а вызванные реформой трансформации не успели завершиться к началу Смуты.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Ямская гоньба; ям; ямщик; ямская повинность; Избранная рада; связь; Иван IV.

Успешное управление страной немыслимо без эффективной связи. Долгое время в русских землях передача правительственной информации, а также переброска следовавших по казенным нуждам людей и грузов осуществлялись посредством одной подводной повинности населения. В XIV в. возникла ямская гоньба. На протяжении двух столетий эта разновидность организованного сообщения функционировала без структурных изменений [см.: Семенов, 2016]. В правление Ивана IV она была реформирована, так как в прежнем виде уже не отвечала потребностям централизации. В историографии ямской реформе уделено недостаточное внимание. Нуждается в уточнении ее датировка, слабо изучен вопрос о влиянии нововведений на положение тяглецов, отсутствует сколько-нибудь удовлетворительная характеристика социального облика ямщиков, их внутренней организации и т. д. Настоящая статья отчасти восполняет этот пробел.

В ходе реформы натуральная ямская повинность во многом перестала быть личной, благодаря чему ямская гоньба получила иную организацию. Отныне населению ямского округа следовало поставлять на ям «охотников» (ямских

охотников)¹. К концу правления Ивана IV сложилась единая для государства норма — по 1 человеку с полусохи². Ямские охотники должны были происходить из числа «лутчих, семьянистых и прожиточных» членов общины. Как показывает практика, при выборах принцип добровольности выдерживался не всегда³. С «охотником» заключался договор о найме (порядная запись), согласно которому он на определенный срок или постоянно обязывался осуществлять казенные перевозки за выставившее его население. Для этого ему следовало «держати» лошадей (обычно по 3 «добрых» мерина на пай) с «гонебным запасом», а для «водяного пути» — «всякие гребные суды» «со всякою судовою снастью». Тяглецы поручались за выставленное лицо в том, «что ему на яму жити и гонба гоняти и никаким воровством не воровати» [РИБ, т. 22, стб. 602–645]. Поручная запись вместе с «выбором» (выборным списком) передавались стройщиком или ямским приказчиком местному администратору (наместнику, воеводе).

Ямские охотники содержались выставившим их населением, от которого получали единовременную и погодную денежную и натуральную подмогу. Первая шла на переезд и обустройство в ямской слободе, вторая носила характер заработной платы. Размер подмоги устанавливался государством или самими тяглецами «по уговору» с «охотником». Он варьировался в зависимости от территории и времени. Так, на новгородских и псковских ямах единовременная подмога обычно составляла 20 руб., 20 четей ржи и столько же овса на пай. Размер ежегодного вознаграждения в среднем по стране достигал 10 руб., 10 четей ржи и овса на пай [Базилевич, с. 499; Гурлянд, с. 102, 103]. В некоторых случаях часть подмоги доплачивалась государством [РИБ, т. 22, стб. 310, 314]. Иногда она отсутствовала вообще [РИБ, т. 17, стб. 312; т. 22, стб. 751]. Наконец, в порядке исключения (в местах новых, малозаселенных) обеспечением ямских охотников (как и их прибором) занималась одна казна.

Ямские охотники селились «з женами и з детми» вокруг станции-яма, как правило, формируя специализированное поселение — ямскую слободу. Ее размер не был постоянным. В зависимости от значения дороги и объема грузоперевозок он мог доходить до 100 паев. Государство предоставляло «охотникам» обеленную от податей землю. Надел включал места под двор, примыкавший к нему огород, пашню и покосы. При устройстве яма пашенные и луговые угодья стремились отводить компактно рядом со слободой. На деле нередко получалось так, что ямские земли оказывались разбросанными по всему уезду⁴. До начала XVII в.

¹ «Охотник» — охочий человек, доброволец. В дальнейшем термины «ямской охотник» и «ямщик» стали синонимами.

² По предположению И. Я. Гурлянда, первоначально 1 ямской охотник выставлялся с сохи. Около 1573 г., ввиду разорения и мора, норма была сокращена в два раза [Гурлянд, с. 95–96].

³ Если желающих не находилось, община зачисляла в ямские охотники в принудительном порядке [ААЭ, т. 2, с. 124].

⁴ Судя по всему, обеспечение ямских охотников угодьями не было обязательным условием. В 1606 г. при устройстве Соликамского яма воеводе С. Ю. Вяземскому и подъячому с приписью И. Федорову грамотой предписывалось лишь «роспросить» пермичей о возможности наделения его насельников «пашнею и санными покосы» «сверх подможных и прогонных денег» [ААЭ, т. 2, с. 124].

их нормы не были едиными для страны, хотя, по наблюдениям И. Я. Гурлянда, «тенденция к определенному окладу» все-таки существовала [Гурлянд, с. 124]. Например, в ямских слободах Москвы под дворовое и огородное место отводился участок 40 х 25 саженей. При восстановлении в 1573 г. Вышневолоцкого яма на выть приходилось 2,6 четей в поле, «а в дву потому ж пашни и на 20 копен покосов» [РИБ, т. 2, стб. 97–98]. Зато на Олешковском яме в Нижегородском уезде в конце XVI в. паевая норма составляла 20 четей в поле, «а в дву потому ж пашенных» и 7,5 копен сенокосных угодий [РИБ, т. 17, стб. 312].

Как можно судить, до Смуты права «охотников» на их наделы и неземельное недвижимое имущество носили ограниченный характер. Земля находилась во владении ямской общины. «Охотник» пользовался ей до тех пор, пока нес службу. Что касается дворовых построек («хором»), то, возведенные на подмогу населения или государства, они находились в неполной собственности ямщика. Неслучайно при невозможности выполнять гонимые обязанности («охудание» или смерть) он лишался двора, который вместе с наделом переходил посаженному на его пай лицу. Сам разорившийся «охотник» (в случае его смерти — семья) возвращался с «животы» в прежнее (доямское) состояние [РИБ, т. 22, стб. 273, 278, 310].

Помимо земли и подмоги «охотники» получали прогоны. Основная часть средств на них выделялась государством⁵. В некоторых случаях ехавшее по казенным нуждам лицо нанимало ямской транспорт за свой счет. По сравнению с дореформенным временем размеры прогонов несколько изменились. Если за подводу цена осталась прежней (3 денги на 10 верст), то услуги проводника выросли с 1,5 до 2 денег за 30 верст пути. На этом скромном уровне прогоны сохранялись до конца XVII в.

Ямская реформа проводилась постепенно. Вопрос о ее хронологических рамках остается открытым. Не сумел разобраться в нем до конца даже такой крупнейший знаток проблемы, как И. Я. Гурлянд. В одном месте своей работы ученый отнес начало реформы к периоду не ранее 1540-х — не позднее начала 1560-х гг., в другом — к 1560-м гг. [Гурлянд, с. 85, 88, 167]. Последняя датировка противоречила его собственным выводам о наличии в 1560 г. в Новгороде и Пскове ямских слобод [Там же, с. 91–92, 93]. Точка зрения И. Я. Гурлянда на 60-е гг. XVI в. как на нижнюю границу реформы прочно утвердилась в историографии [см.: Базилевич, с. 499; ПРП, вып. 5, с. 536]⁶. Ситуация изменилась после того, как в начале XXI в. Ю. В. Анхимюк ввел в научный оборот уставную грамоту Переславль-Рязанской ямской слободы (от 27 июня 1557 г.).

⁵ Денежные суммы на прогоны предоставлялись как центральными, так и местными властями. С середины XVI в. они шли из Большого прихода, с начала XVII в. — в основном из Ямского приказа, с 1639 г. — из приказа-отправителя [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 94, л. 380; АИ, т. 2, с. 424; Законодательные акты..., с. 190].

⁶ Справедливости ради отметим, что взгляд на 1560-е гг. как на начало реформы хотя и преобладал, однако не был единственным. Например, А. А. Зимин относил учреждение ямских слобод к концу 50-х гг. XVI в. [Зимин, с. 333]. Некоторые исследователи, рассуждая о переменах в ямской гонимости, осторожно датировали их «серединой XVI ст.» [Козловский, т. 1, с. 24].

Находка столь важного документа показала, что трансформации в системе правительственной связи начались раньше, чем обычно принято было думать. Сам Ю. В. Анхимюк датировал реформу второй половиной 1550-х гг. [Анхимюк, с. 287]. Помимо отмеченного акта, от 1556/57 г. дошли другие свидетельства, указывающие на изменения в ямской гоньбе. Известна царская грамота от 25 апреля 1557 г. «в Переславской (Переяславль-Залесский. — О. С.) уезд в Rogozининскую (Rogozинскую. — О. С.) слободу старосте ямские слободы Васюку Швалю и всем охотником Rogozининские слободы» с запретом вступать в перевоз Симонова монастыря у с. Бутакова на р. Нерли [АФЗХ, 1983, с. 130]. В источниках позднего происхождения содержатся сведения о том, что в 1556/57 г. была осуществлена выдача уставных грамот Козьмодемьянскому, Рязскому и, вероятно, каким-то другим ямам [Законодательные акты..., с. 44; ПСЗ, т. 1, с. 11]. Все это, конечно, не дает нам права датировать начало реформы указанным годом⁷. Однако, принимая во внимание тот факт, что от более раннего времени не сохранилось даже малейших намеков на ее проведение, а также учитывая общую политическую ситуацию в стране (до 1547 г. — нестабильный период «боярского правления»), позволим себе связать реформу с деятельностью Избранной рады и отнести ее подготовку и начало реализации к концу 40-х — середине 50-х гг. XVI в.

Процесс изменений в ямской гоньбе растянулся на длительный промежуток времени. Реформа пережила своих создателей и продолжалась в эпоху опричнины. Например, к 1567 г. не успели реформировать Верейский ям: приписанное к нему население выставляло на станцию подводы и осуществляло перевозки под надзором распорядителей-ямщиков [РГБ, ф. 303/1, кн. 519, л. 18 об.—19 об.]. Однако в «Записках» Г. Штадена, написанных вскоре после 1576 г., система ямской гоньбы в новом виде была представлена уже в качестве явления повсеместного и устоявшегося [Штаден, т. 1, с. 155]. Судя по всему, к концу царствования Ивана Грозного реформа охватила все государство (в пределах тех территорий, где существовала организованная связь). Тем не менее, в документах какое-то время еще продолжала использоваться старая терминология. Отдельные жалованные грамоты конца XVI — начала XVII в. содержали статьи, освобождавшие жителей той или иной местности от обязанности «стоять на яму с подводами» [АФЗХ, ч. 3, с. 37; ДАИ, т. 1, с. 211–212]. Неверно усматривать в этом лишь анахронизм, сохранившийся благодаря инертности средневекового мышления. Дело в том, что в результате реформы натуральная ямская повинность полностью так и не стала безличной. Если ямские охотники не справлялись с нагрузкой, население ямского округа оказывало им непосредственную помощь — выставляло на ям сошные подводы, обслуживающий их персонал

⁷ Во-первых, нет уверенности в том, что слобода получала уставную грамоту непременно в момент своего основания, а не спустя какое-то время. Во-вторых, уставными грамотами жаловались не все ямы. В-третьих, в ряде случаев ямские охотники не сразу селились слободой. Некоторое время они могли проживать на посаде попеременно с другими категориями населения.

и корм [РИБ, т. 22, стб. 77–245]. Данное обстоятельство вместе с фактом утраты при выборах «охотников» крестьянскими и посадскими общинами наиболее дееспособных тяглецов, а также их обязанностью строить и ремонтировать ямской двор, прокладывать и поддерживать пути сообщения, показывают ошибочность существующего в историографии мнения о ямской реформе как попытке властей облегчить положение народа [см.: Гурлянд, с. 94]. Напротив, в результате нововведений произошло увеличение натуральной и денежной ямской повинности⁸.

Реформа правительственной связи изменила общественную структуру страны. Она положила начало складыванию новой категории населения с собственным самосознанием, набором обязанностей и льгот. Впрочем, во второй половине XVI в. позиции ямских охотников оставались непрочными. Они сохраняли тесную связь (материальную и психологическую) с выставившими их общинами. По истечении срока найма ямщиков вместе с семьями могли вернуть «в сохи». Аналогичная участь ожидала разорившихся «охотников», которых заменяли «прожиточными» тяглецами. Текучесть кадров препятствовала процессу формирования сословно-социальной группы ямщиков и негативно сказывалась на качестве гоньбы. Решение этой проблемы напрямую зависело от изменения принципа комплектования и содержания ямов⁹.

Параллельно с оформлением сословно-социальной группы ямщиков складывалась ее внутренняя организация, сочетавшая черты приказного управления и мирского самоуправления. Во главе ямской слободы стояло должностное лицо государства — приказчик. Он назначался центральными или местными властями, обыкновенно из детей боярских, и обеспечивался усадебной, огородной, пахотной и сенокосной землей. Размер угодий, как правило, вдвое превышал надел ямщика [АСЗ, т. 2, с. 428; РИБ, т. 17, стб. 312]¹⁰. В пользу ямского приказчика могли идти отдельные судебные и торговые пошлины, а также легальные и полунелегальные поборы со слобожан, такие как «кормы», «почести», «посулы» и «поминки». Полномочия приказчиков были шире на тех ямах, где имелись уставные грамоты. В этом случае по многим вопросам они действовали независимо от провинциальной администрации (наместников, воевод), подчиняясь напрямую Ямскому приказу. Впрочем, ямского приказчика могло и не быть.

⁸ В ходе ямской реформы возникли малые ямские деньги. Новый сбор шел на выплату жалованья насельникам ямов, которые содержались государством, а также на прогоны. По-видимому, уже во второй половине XVI в. малая ямщина стала однообразной. Ее оклад по стране составлял около 10 руб. с сохи. Одновременно под названием «больших ямских денег» взимался старый налог «ям». Полученные от него средства расходовались на прогоны ямщикам. Первоначально размер большой ямщины не был устойчивым. К концу XVI в. он достиг единой ставки — 20 руб. с сохи [АЮ, с. 220, 225, 226; Гурлянд, с. 105; Чечулин, с. 187].

⁹ Во второй половине XVI в. более или менее устойчивый коллектив сформировался лишь на тех редких ямах, где набором и обеспечением ямщиков занималось государство. По-видимому, уже тогда начал складываться принцип отбора кадров: в ямщики стремились набирать не чуждых извозному делу лиц (бывших ямщиков или членов ямских семей) [см.: Гурлянд, с. 132–133].

¹⁰ Соотношение 2 : 1 выдерживалось не всегда [РИБ, т. 22, стб. 765].

Население ямской слободы, как правило, составляло общину. Важнейшие вопросы жизни «мира» ямщики решали на сходе. Здесь же происходили выборы должностных лиц самоуправления (старост, десятников и др.), находившихся под контролем ямского приказчика и уездно-волостных властей. Их присутственным местом была ямская (мирская, земская) изба. Как и до реформы, на яме действовали один или несколько дворников и дьячок, обычно получавшие содержание от общины.

Формированию сословно-социальной группы ямщиков, их мирской организации, а также более качественному выполнению ими своих обязанностей способствовала система привилегий, закрепленная в уставных грамотах. Практика пожалования этих документов оформилась в середине XVI в. Вероятно, в одних случаях инициатором выдачи грамоты выступало государство, в других — население. Судя по всему, в европейском регионе страны они имели широкое, однако не повсеместное распространение¹¹. На это указывает тот факт, что во второй половине XVI–XVII вв. на части ямов нормы известных нам уставных грамот не действовали¹².

По мнению И. Я. Гурлянда, появление уставных грамот привело к складыванию особого права ямских слобод [Гурлянд, с. 149, 152]. С этим не согласился М. А. Дьяконов [Дьяконов, с. 18]. Действительно, сличение норм уставных грамот ямским охотникам и другим категориям населения показывает отсутствие между ними серьезных отличий. Основной набор пожалований (зафиксированный в общих для всех уставных грамот статьях-трафаретах) совпадал. Разница здесь была чисто количественная. По одним вопросам объем ямских льгот превышал привилегии иных грамотчиков, по другим — соответствовал им, по третьим — уступал¹³. Уникальными можно назвать лишь те сравнительно немногочисленные статьи, в которых отражались условия ямской службы и местности.

¹¹ Полный текст уставных грамот сохранился лишь по Переславль-Рязанской (1557) [см.: Анхимюк, с. 290–292] и Касимовской (1567) [см.: Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 474–483; Гурлянд, с. 151–154, прим. 1; Шишкин, с. 182–187] ямским слободам. Как уже отмечалось, в 1556/57 г. уставными грамотами были пожалованы козьмодемьянские и ряжские ямщики, к 1562 г. — насельники Судогодского яма во Владимирском уезде, а в декабре 1618 г. — их собратья из Мценска. В 1618/19 г. приговором судьи Ямского приказа Д. М. Пожарского «с товарищи» уставные грамоты «по челобитью разных ямов охотников» следовало «на все ямы дать» (в том числе возобновить старые), что, вероятно, отчасти было выполнено в следующем 1619/20 г. Согласно ст. 71 гл. XVIII Соборного уложения 1649 г., за приложение большой красновосковской печати с каждой ямской «государевой жаловальной грамоты» Печатный приказ взимал пошлину в размере 2,5 руб. [АСЗ, т. 2, с. 422–423; Законодательные акты..., с. 44; ПРП, вып. 6, с. 292; ПСЗ, т. 1, с. 11–12]. До конца XVII в. известные нам уставные грамоты с некоторыми изменениями (как правило, в сторону сокращения льгот) подтверждались.

¹² Основные нормы, известные нам по тексту Переславль-Рязанской и Касимовской уставных грамот, должны были содержаться во всех документах этой разновидности, так как для них существовал общий формуляр. Отсутствие следов льгот, скорее всего, говорит о том, что слобода не получала грамоты.

¹³ В силу сказанного представляется поспешным вывод о том, что уставные грамоты давали ямщикам большие по размеру льготы, нежели другим категориям населения [см.: Базилевич, с. 500; Гурлянд, с. 159; Федорович, Орлова, Медвецкий, ч. 1, с. 45–46].

Уставные грамоты предоставляли ямским слободам широкую судебную-административную автономию, заметно ослабляя (хотя и не устраняя целиком) вмешательство уездно-волостных властей. По всем гражданским и большинству уголовных правонарушений (в том числе по убийствам и, вероятно, воровству), где тяжущимися сторонами выступали слобожане, разбирательства проводились (с самостоятельным расследованием дела и вынесением вердикта) ямскими приказчиками и старостами¹⁴. На то, что должностные лица ямского самоуправления присутствовали на судебном процессе не только как представители общины и органы контроля за деятельностью приказчика [см.: Государственность России..., кн. 5, ч. 2, с. 506; Гурлянд, с. 156], но являлись его полноправными участниками, указывают, например, материалы по Судогодскому яму 1561–1562 гг. [АСЗ, т. 2, с. 422–423]. Лишь в случае разбоя с поличным (вооруженное грабительство) предполагалась совместная деятельность ямских и губных органов (ямского приказчика и губного старосты). «Для береженья» здесь должен был находиться ямской староста. По спорам слобожан гражданского и уголовного характера с проживавшими в той же местности сторонними людьми устраивался сместный суд¹⁵. «А прав или виноват слобожанин — приказчику и старостам, городской или волостной человек прав или виноват — наместнику и волостелем и их тиуном, а на виноватом истцов иск доправити, да отдати ищем». Однако «на ином городе» чужому администратору «ни в каких делах» не позволялось судить ямщика. Последнего следовало давать на поруки и отсылать для разбирательства приказчику¹⁶. Отдельной статьей регламентировались судебные пошлины, размер которых был меньше, чем в общероссийском масштабе [см.: Судебники XV–XVI веков..., с. 24, 25–26, 161]. За вызов в суд тяжущихся сторон в пользу приказчика шла денга «хоженого» и по денге за каждые две версты пути «езда», «а на правду (т. е. при вызове свидетелей. — О. С.) вдвое»¹⁷. Ему же за «вершение» дела с проигравшей стороны полагалось 3 коп. с рубля [Анхимюк, с. 290; Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 474; Гурлянд, с. 151, прим. 1; Шишкин,

¹⁴ В послесмутное время эта норма могла подвергнуться ограничению. Согласно «Уложению о ямской гоньбе и ямских слободах» (не ранее 1620/21 г.), точное соотношение между которыми и уставными грамотами неизвестно, компетенция приказчиков по гражданским правонарушениям простиралась на иски до 10 руб. Разбором дел на большие суммы, а при отсутствии приказчика — всех вообще проступков, занимался Ямской приказ. При этом за приказчиками сохранялось право суда по уголовным преступлениям, в том числе по убийствам и воровству с поличным [Законодательные акты..., с. 106].

¹⁵ По наблюдению С. Б. Веселовского, для XVI в. сместный суд — «отмирающий пережиток старины» [Веселовский, с. 45]. Тем не менее, при пожаловании судебного иммунитета право на него оставалось распространенной привилегией и в следующем столетии [см.: Законодательные акты..., с. 106].

¹⁶ Нетрудно заметить, что, по сравнению со многими грамотчиками, ямщики получали расширенный судебный иммунитет. В уставных грамотах другим категориям населения судебные полномочия местной правительственной администрации зачастую не ущемлялись. Даже при ограничении компетенция властей все равно распространялась не только на «вопчие» дела, но и на тяжелые уголовные преступления [ААЭ, т. 1, с. 180, 256, 385; ДАИ, т. 1, с. 23].

¹⁷ Сравнение норм уставных грамот показывает, что для ямщиков установили минимальный размер судебных пошлин. В этом они не были одиноки. Аналогичная ставка «хоженого» и «езда» прописывалась в ряде неямских уставных грамот [ААЭ, т. 1, с. 180, 256; ПРП, вып. 3, с. 173].

с. 182]¹⁸. За ямщиками подтверждалось также право центрального суда, причем в определенной инстанции. Конфликтные ситуации между ними и сторонними людьми могли разбирать царь, «казначей, или кому будут приказаны ямские дела судити, а опричь ямского судьи тем слобожаном не искати и не отвечати ни пред кем» [Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 476–477; см. также: Анхимюк, с. 291; Гурлянд, с. 152, прим. 1; Шишкин, с. 184]. В то же время сроки столичного суда в известных нам уставных ямских грамотах не оговаривались¹⁹.

Часть статей была посвящена вопросам финансового характера. Ямщики освобождались от всякого тягла: «не надобе им моя царева и великого князя дань, ни ямские деньги, посошная служба, ни городовое всякое дело, ни податей моих всяких не дают, с черными людьми и с городскими и с сельскими некоторые проторы не тянут» [Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 474; см. также: Анхимюк, с. 290; Гурлянд, с. 151, прим. 1; Законодательные акты..., с. 44; ПСЗ, т. 1, с. 11–12; Шишкин, с. 182]. Их основной обязанностью оставалась ямская служба. Для XVI в. полный бессрочный податный иммунитет — льгота редкая, однако не уникальная²⁰. Кроме того, слобожане не несли постоя. «Всяким посланникам и гонцам» предписывалось останавливаться «на яму (на постоялом дворе. — О. С.)» и покупать у ямщиков людской и конский корм по свободной цене. За нарушение этих правил виновного ожидали опала и взыскание убытков «вдвое без суда»²¹. Не платили жители слободы и «кормы» представителям местного аппарата власти²². Отдельная статья фиксировала свадебные пошлины, собираемые на государя ямским приказчиком и старостой, и сборы

¹⁸ В большинстве неямских уставных грамот размер пошлины с судебного процесса был больше. Она составляла гривну или два алтына с рубля. Однако уставной грамотой крестьянам Усольской слободы Моревской волости Новгородского уезда (1530) в пользу слободчика предусматривалась такая же пошлина «на виноватом — по алтыну с рубля» [ДАИ, т. 1, с. 24]. Интересно, что, по «Уложению о ямской гоньбе и ямских слободах», ямской приказчик за разбирательство дела должен был брать «с рубля по полуалтыну» [Законодательные акты..., с. 106].

¹⁹ В ряде неямских уставных грамот прописывались сроки явки в центральный суд [ААЭ, т. 1, с. 115, 153, 157, 180, 256–257; т. 3, с. 78; ДАИ, т. 1, с. 24; ПРП, вып. 3, с. 173–174; Семенов, 2008, с. 309–310]. Данная мера имела целью оградить население от частых поездок в Москву, приводивших к материальным издержкам и отрывавших от привычных занятий и хозяйства. Судя по всему, ямщики европейской России (или какая-то их часть) до начала XVII в. тоже добились этой льготы. В 1620/21 г. был подтвержден указ, «каков... был в Ямском приказе до московского разорения», о времени центрального суда по искам к ямщикам «в заемных денгах и в поклаже». Согласно ему, разбирательства по этим делам осуществлялись «на Москве в Ямском приказе на два срока: на первой срок — на Введенный день (Введение во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября по ст. ст. — О. С.), а на другой срок — на Зборное Воскресение (первое воскресенье Великого поста. — О. С.). А опричь тех сроков в пашенную пору зазывных грамот не давать» [Законодательные акты..., с. 105].

²⁰ Помимо тарханщиков, полный бессрочный податный иммунитет получали обладатели некоторых неямских уставных грамот [ААЭ, т. 1, с. 114, 155–156, 385, 386].

²¹ Освобождение от постоянной повинности и право продажи путникам питья и продовольствия по свободной цене закрепились во многих тарханских и в ряде неямских уставных грамот [ААЭ, т. 1, с. 115, 117, 157, 180; АИ, т. 1, с. 200]. В некоторых уставных грамотах первая льгота имела ограниченный характер: ездомкам запрещалось ставиться «сильно» на дворах грамотчиков, «опричь ратных вестей» [ААЭ, т. 1, с. 122; ДАИ, т. 1, с. 25].

²² В большинстве неямских уставных грамот регламентировалась величина отдельных «кормов». Однако население от них не избавлялось. Лишь в единичных случаях грамотчик освобождался от обязанности содержать местную администрацию [ААЭ, т. 1, с. 385].

в пользу владычного десятильника. Убрус составлял 4 денги, выводная куница — алтын. «От знамен» (т. е. документа, разрешавшего брак) митрополичьему приказчику с холостого слобожанина шло 3 денги, со вдовца — алтын, «с трехженца» — 2 алтына. Размеры этих пошлин были сопоставимы с пожалованиями другим грамотчикам²³. Кроме того, ямщики наделялись торговыми льготами. Они освобождались от пятна — пошлины с купли, продажи и мены лошадей. Лишь за регистрацию сделки (запись «в книги») с них приказчиком и старостой взималось писчее — «по денге с лошади» [Анхимюк, с. 292; см. также: Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 478; Гурлянд, с. 153, прим. 1; Шишкин, с. 185]²⁴. Наконец, грамота устанавливала право слобожан на изготовление хмельных напитков для личного потребления при условии «явки» приказчику и старосте. За нелегальное производство алкоголя нарушителя ожидала кара — от двухрублевого штрафа²⁵ до наказания кнутом, выселения из слободы и конфискации в казну двора и остального имущества [Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 478–479; см. также: Анхимюк, с. 292; Гурлянд, с. 153–154, прим. 1; Шишкин, с. 185]²⁶.

К статьям, оберегавшим внутреннюю жизнь общины, следует отнести запрет посторонним лицам являться без приглашения на пиры и братчины. «За гибель» (убыток) с незваного гостя взималась сумма ущерба «вдвое без суда»²⁷. Наличие этой меры объяснялось не только тем, что многие мирские праздники приурочивались к церковным торжествам и поминкам родителей, вследствие чего монарх вынужден был заботиться о соблюдении на них нравственной дисциплины [см.: Чагин, с. 224]. На пирах и братчинах решались внутриобщинные вопросы, в которые государство пока еще не осмеливалось вторгаться открыто.

Отмеченные выше статьи, как и освобождение населения от уплаты пошлины за представление местному администратору уставной грамоты²⁸, а также необходи-

²³ В уставных грамотах ставка сборов за заключение брака варьировалась. Для отдельных грамотчиков убрус и выводная куница прописывались в больших размерах, чем для ямщиков [ААЭ, т. 1, с. 122, 157; Семенов, 2008, с. 307]. Встречались примеры, когда одна из пошлин, напротив, была ниже [ААЭ, т. 1, с. 153, 180]. Наконец, часто величина убруса или выводной куницы совпадала с ямским пожалованием [ААЭ, т. 1, с. 114, 117, 257; т. 3, с. 78; АИ, т. 1, с. 200; Антонов, с. 69]. Примерно та же картина вырисовывается и в отношении пошлины в пользу десятильника. В известных нам случаях она либо совпадала по размеру с ямской, либо превышала ее [ААЭ, т. 1, с. 153, 180; ПРП, вып. 3, с. 173; Семенов, 2008, с. 308].

²⁴ Ямщики и здесь не были поставлены в исключительное положение. Льготы при сделках с лошадьми содержали тарханные и некоторые уставные грамоты другим категориям населения. После Смуты торговые привилегии ямщиков в европейской России были расширены. Это объяснялось необходимостью скорейшего восстановления системы связи [Законодательные акты..., с. 106].

²⁵ В «Уложении о ямской гоньбе и ямских слободах» размеры штрафа для ямщика-корчемника были увеличены до 4,5 руб. [Там же].

²⁶ Норма, регламентировавшая производство и потребление алкоголя, содержалась во многих уставных грамотах. В некоторых случаях она была шире, чем для ямщиков [ДАИ, т. 1, с. 25; Семенов, 2008, с. 308–309]. Иногда «питейные» привилегии других грамотчиков уступали ямским [ААЭ, т. 3, с. 78].

²⁷ Статья общая для большинства уставных грамот. Отличия — в объеме компенсации. В одних случаях нарушитель следовало заплатить штраф, равный «гибели» [ААЭ, т. 1, с. 122, 157; т. 3, с. 78; Антонов, с. 69; ПРП, вып. 3, с. 173; Семенов, 2008, с. 309], в других — в двойном размере [ААЭ, т. 1, с. 115, 117, 153, 256, 386; АИ, т. 1, с. 199].

²⁸ В отдельных неямских уставных грамотах содержалось предписание об уплате явочной пошлины за представление властям документа [ААЭ, т. 1, с. 157].

мость явки пришлых людей²⁹, являлись стандартными для данной разновидности актового материала. Наряду с ними уставные грамоты ямским слободам содержали нормы, относившиеся к профессиональной деятельности ямщиков. В ряде постановлений оговаривались условия ямской службы: регламентировалась численность подвод на пай, вводился запрет на привлечение к перевозкам с ямов лошадей «городских людей и волостных»³⁰. Отдельные положения регулировали порядок гоньбы и защищали ямщиков от злоупотреблений. Согласно им, слобожане должны были предоставлять средства передвижения только при наличии подорожных. При этом выдача местными властями проездных документов ставилась под контроль правительства³¹. Также ямщикам гарантировался возврат транспорта³². Часть статей была посвящена вопросам обеспечения. Прописывались размеры прогонов, за ямщиками закреплялось право на их получение³³.

Помимо уставных грамот, слобожане жаловались привилегиями через отдельные постановления. Например, «до московского разорения» (точное время неизвестно) был принят указ, регламентировавший размеры груза, перевозимого на ямских подводах. За изувеченную «тяжелую кладью» лошадь ездока штрафовали на 5 руб. и наказывали «смотря по вине» [Законодательные акты..., с. 105]³⁴.

²⁹ Ямщики и члены их семей должны были оповещать ямского приказчика и старосту обо всех прибывших в слободу сторонних лицах. При этом они освобождались от явочной пошлины. За укрывательство слобожанином «своего гостя или наймита, или кого ни буди» взималась двухрублевая «заповедь» на государя [Анхимюк, с. 291; Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 478; Гурлянд, с. 153, прим. 1; Шишкин, с. 184–185]. Статья, предусматривавшая явку к наместнику пришлого населения, содержалась в Великопермской уставной грамоте 1553 г. [Семенов, 2008, с. 307].

³⁰ К гоньбе с ямов население имели право привлечь только центральные и местные власти (или их агенты). Самим ямским охотникам под угрозой наказания было запрещено брать у тяглецов «в подводы» лошадей [Анхимюк, с. 291; Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 476; Гурлянд, с. 152, прим. 1; Шишкин, с. 183].

³¹ Предписание местным властям фиксировать «в книги» (которые затем присылались «к Москве к дьякам в Ямскую избу») все свои «отпуска», содержалось только в уставной грамоте ямщикам г. Касимова [Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 480; Гурлянд, с. 154, прим. 1; Шишкин, с. 186].

³² Если «гонец» в силу разных причин менял «на дороге в селех и в деревнях у кого ни буди» ямскую подводку, последнюю сразу же следовало вернуть на ям. С нарушившего это правило взималась пеня «по три алтына на день» за каждое средство передвижения [Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 476; см. также: Анхимюк, с. 291; Гурлянд, с. 152, прим. 1; Шишкин, с. 183]. Одной из распространенных причин задержки подвод являлось их использование не по назначению.

³³ На территориях с организованным сообщением казенные лица, не освобожденные от уплаты прогонных денег, обязаны были арендовать ямские средства передвижения. Ямские приказчики и старосты следили за тем, чтобы таким ездокам никто «мимо охотников (ямских. — О. С.) подвод в наем» не давал. С нарушителей (перевозчиков-неямщиков) в пользу государя следовало брать «заповеди два рубля денег, да те денги» доставлять «в мою цареву и великого князя казну к дьяком, которым ямы приказаны» [Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 477; см. также: Анхимюк, с. 291; Гурлянд, с. 152–153, прим. 1; Шишкин, с. 184]. Иными словами, статья гарантировала получение ямщиками такого скромного источника доходов, как прогоны. Впрочем, при подтверждении в 1599 г. Касимовской уставной грамоты эта льгота была отменена [Вельяминов-Зернов, ч. 1, с. 481].

³⁴ Неясно, какие весовые нормы перевозимой на ямских подводах клади существовали в XVI в. Первые сведения по этому вопросу относятся к Смутному времени. В мае 1607 г., в ответ на жалобы соликамских ямщиков на насилие проезжающих, великопермскому воеводе С. Ю. Вяземскому царской грамотой предписывалось следить за тем, чтобы зимой на подводе транспортировали не более 15 пудов груза, летом — 4 пуда, «будет сами (гонцы. — О. С.) на тех подводах садиться не учнут» [ААЭ, т. 2, с. 163]. В последующем «указной вес» менялся [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 46, л. 18–20, 27; оп. 4, стб. 94, л. 5 об.–6 об.; СПФА РАН, ф. 21, оп. 4, кн. 2, л. 150 об.; Законодательные акты..., с. 105].

Система льгот вводила в заблуждение не только многих исследователей, но и современников-иностранцев, идеализировавших положение ямщиков [Олеарий, с. 209; Игнатъев, с. 247, 250; Козловский, т. 1, с. 28; Шедлинг, с. 143]. В действительности, помощь от населения и государства зачастую оказывалась недостаточной для удовлетворения насущных потребностей жителей ямских слобод. Как отмечалось выше, уставные грамоты не были повсеместными, их нормы, как и привилегии, закрепленные в других документах, нарушались. Это вынуждало «охотников» в свободное от гоньбы время заниматься не только сельским хозяйством и животноводством, но также промыслами и торговлей. К сказанному следует добавить тяжесть условий ямской службы: интенсивность разгонов, поджидавшие на дорогах опасности, неважное состояние сухопутных коммуникаций, многочисленные злоупотребления со стороны проезжающих и местных властей и др. Разорение ямщиков и, как следствие этого, запустение ямов, уже во второй половине XVI в. приобрели широкий размах. Смутное время довершило беду, поставив систему организованного сообщения в европейской России на грань катастрофы. Забегая вперед, отметим, что правительство Михаила Романова предпримет комплекс мер по восстановлению ямской гоньбы, в результате чего она получит еще более профессиональный вид. Материальное и правовое положение ямщиков будет несколько облегчено, однако вскоре оно снова начнет ухудшаться.

Таким образом, реформа правительственной связи относится к числу важнейших централизаторских мероприятий Избранной рады. Ее подготовка и начало реализации пришлось на конец 40-х — середину 50-х гг. XVI в. В результате нововведений ямская гоньба стала более профессиональной. Вместе с тем положение тяглецов ухудшилось за счет роста и развития натуральной и денежной ямской повинности. Реформа проводилась постепенно. В масштабах государства она утвердилась к концу правления Ивана IV. Тем не менее, вызванные реформой изменения не успели завершиться до Смуты: не сформировались до конца сословно-социальная группа и общинная организация ямщиков, оставались ограниченными их права на дворы и земли, отличались предельным разнообразием оклады обеспечения и т. д. Несмотря на систему льгот, непростым было материальное положение ямщиков. Все это негативно отражалось на качестве связи. Решение данной проблемы зависело от изменения характера государственной политики по отношению к ямщикам (в сторону послаблений) и принципа комплектования и содержания ямов.

Источники

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : Тип. II-го отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1836.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией : в 5 т. СПб. : Тип. II-го отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1841–1842.

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века : в 4 т. / сост. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 1997–2008.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства : в 3 ч. / подг. к печ. Л. В. Черепнин. М. : Изд-во АН СССР, 1951–1961.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства (Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.)). Л. : Наука, 1983.

АЮ — Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб. : Тип. II-го отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1838.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. / ред. Н. Калачов. СПб. : Тип. II-го отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1846–1875.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты / ред. Н. Е. Носов. Л. : Наука, 1986.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. А. М. Ловягина. Смоленск : Русич, 2003.

ПРП — Памятники русского права : в 8 вып. / ред. Л. В. Черепнин. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1952–1963.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. СПб. : Тип. II-го отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1830.

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 3. Стб. 46, 94; Оп. 4. Стб. 94.

РГБ. Ф. 303/1 (Троице-Сергиева лавра). Кн. 519.

РИБ — Русская историческая библиотека : в 40 т. СПб. : Тип. Пантелеевых, 1872–1927.

СПФА РАН. Ф. 21 (Фонд Г. Ф. Миллера). Оп. 4. Кн. 2.

Судебники XV–XVI веков: законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952.

Штаден Г. Записки о Московии : в 2 т. / пер. С. Н. Фердинанд. М. : Древлехранилище, 2008.

Исследования

Антонов А. В. Рыльская уставная наместничья грамота 1549 года // Русский дипломатарий. Вып. 3 / ред. А. В. Антонов. М. : Археографический центр, 1998. С. 65–70.

Анхимюк Ю. В. Уставная грамота Рязанской ямской слободе 1557 года // Русский дипломатарий. Вып. 7 / ред. А. В. Антонов. М. : Древлехранилище, 2001. С. 286–292.

Базилевич К. В. Ямская гоньба в древней России // Пролетарий связи. 1924. № 10. С. 499–502.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах : в 3 ч. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1863–1866.

Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М. : Рос. ассоциация науч.-исслед. ин-тов обществ. наук, 1926.

Государственность России (конец XV века — февраль 1917 года) : словарь-справочник : в 6 кн. / ред. Т. Г. Архипова. М. : Наука, 1996–2009.

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль : Тип. губерн. правления, 1900.

Дьяконов М. А. Разбор изданий И. Я. Гурлянда «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века», «Новгородские ямские книги 1586–1631 гг.». СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1902.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного (Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в.). М. : Изд-во соц.-эк. лит., 1960.

Игнатьев Р. Г. О древнем ямском учреждении в России // Новг. губерн. ведомости. 1849. № 48. Отд. 2. Ч. неофиц. С. 246–253.

Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве : в 2 т. Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1913.

Семенов О. В. Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2008. Вып. 7 : Источник и его интерпретации. С. 295–333.

Семенов О. В. О времени и обстоятельствах возникновения ямской гоньбы в русских землях // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2016. № 1 (148). С. 103–119.

Федорович М. А., Орлова А. Ф., Медвецкий А. Г. История московской почты : в 2 ч. М. : Радио и связь, 1993.

Чагин Г. Н. Власть и управление в Перми Великой XV–XVI вв. // Судебник Ивана III: становление самодержавного государства на Руси / ред. И. Я. Фроянов. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 215–229.

Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1889.

Шедлинг М. Ю. Очерки по истории мировой почты. М. : Связь, 1926.

Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань : Типолиитография Н. Малашкина, 1891.

Статья поступила в редакцию 04.10.2016

Семенов Олег Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории России
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: helg2008@list.ru

Semyonov, Oleg Vladimirovich

PhD (History), Associate Professor
Chair of Russian History
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: helg2008@list.ru

YAM REFORM IN THE MOSCOW STATE IN THE 16TH CENTURY

Referring to a wide range of sources and literature the article discusses the changes that took place in the government communications during the reign of Ivan the Terrible. The article restores the stages of the yam messenger system reform, clarifying and reviewing a number of conclusions already existing in historiography. The author demonstrates that the material state of the *posad* people and rural *tyagletsy* was seriously undermined by the increase and development of duty paid in kind as well as monetary yam duty. The author determines the timeframe of the reform, pointing out the gradual character of the changes introduced by the Select Council, and continued after its resignation. The article analyses the social status of yam hunters, and studies their organization that combined features of *prikaz* management and communitarian self-management. Special attention is paid to the system of yam privileges (administrative, judicial, fiscal, etc.). The author proves that from the legal point of view, they did not differ fundamentally from the privileges provided to other categories of the population and listed in the Charter, and partially Tarkhan, privilege, and tax-exemption charters. The author concludes that the conditions yam hunters lived in were generally difficult and gradually deteriorated, and the transformations caused by the reform had not completed before the beginning of the Time of Troubles.

Key words: Yam Messenger system; yam; yamshchik; yam duty; Select Council; communication; Ivan IV.

Ankhimiuk, Yu. V. (2001). Ustavnaia gramota Riazanskoi yamskoi slobode 1557 goda [A Charter of the Ryazan Yamskaya Sloboda, 1557]. In A. V. Antonov (Ed.), *Russkii Diplomatarii* [Russian Diplomatarium] (Vol. 7, pp. 286–292). Moscow: Drevlekhranilishche. (In Russian)

Antonov, A. V. (1998). Ryl'skaia ustavnaia namestnich'ia gramota 1549 goda [Rylskaya Statutory Vicegerent Charter of 1549]. In A. V. Antonov (Ed.), *Russkii Diplomatarii* [Russian Diplomatarium] (Vol. 3, pp. 65–70). Moscow: Arkheograficheskiy tsentr. (In Russian)

Arkipova, T. G. (Ed.). (1996–2009). Gosudarstvennost' Rossii: slovar'-spravochnik [Russian Statehood: Reference Book and Dictionary] (Books 1–6). Moscow: Nauka. (In Russian)

Bazilevich, K. V. (1924). Yamskaia gon'ba v drevnei Rossii [The Yam Messenger System in Old Russia]. *Proletarii sviazi*, 10, 499–502. (In Russian)

Chagin, G. N. (2004). Vlast' i upravlenie v Permi Velikoi XV–XVI vv. [Power and Governance in Great Perm of the 15th–16th Centuries]. In I. Ya. Froyanov (Ed.), *Sudebnik Ivana III: stanovleniye samoderzhavnogo gosudarstva na Rusi* [Sudebnik of Ivan III: The Formation of an Autocratic State in Russia] (pp. 215–229). Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU. (In Russian)

Chechulin, N. D. (1889). *Goroda Moskovskogo gosudarstva v XVI v.* [Moscow State Cities in the 16th Century]. Saint Petersburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova. (In Russian)

Dyakonov, M. A. (1902). *Razbor izdaniy I. Ya. Gurlianda «Yamskaia gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka», «Novgorodskie yamskie knigi 1586–1631 gg.»* [A Study of I. Ya. Gurliand's *The Yam Messenger System in Moscow State before the Late 17th Century, Novgorod Yam Books of 1586–1631*]. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

Fedorovich, M. A., Orlova, A. F., & Medveckii, A. G. (1993). *Istoriia moskovskoi pochty* [The History of Moscow Post] (Pts. 1–2). Moscow: Radio i svaz'. (In Russian)

Gurliand, I. Ya. (1900). *Yamskaia gon'ba v Moskovskom gosudarstve do konca XVII veka* [The Yam Messenger System in Moscow State before the Late 17th Century]. Yaroslavl': Tipografiia gubernskogo pravleniia. (In Russian)

Ignatyev, R. G. (1849). O drevnem yamskom uchrezhdenii v Rossii [On the Old Yam Institution in Russia]. *Novgorodskie gubernskie vedomosti*, 48, 2, Part unofficial, 246–253. (In Russian)

Kozlovskii, I. P. (1913). *Perviiye pochty i perviiye pochthmeisteri v Moskovskom gosudarstve* [The First Post and the First Postmasters in the Moscow State] (Vols. 1–2). Warszawa: Tipografiia Warszawskogo uchebnogo okruga. (In Russian)

Semyonov, O. V. (2008). Velikopermskaia ustavnaia namestnich'ia gramota 1553 g. [Perm Statutory Vicegerent Charter 1553]. *Problemi istorii Rossii* [Problems of the History of Russia] (Vol. 7, pp. 295–333). (In Russian)

Semyonov, O. V. (2016). O vremeni i obstoiatel'stvakh vozniknoveniia yamskoi gon'bi v russkikh zemliakh [The Time and Circumstances of the Yam Messenger System Establishment in Russian Lands]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seria 2: Gumanitarnye nauki*, 1 (148), 103–119. (In Russian)

Shedling, M. Yu. (1926). *Ocherki po istorii mirovoi pochty* [Essays of the History of World Post]. Moscow: Svaz'. (In Russian)

Shishkin, N. I. (1891). *Istoriia goroda Kasimova s drevneishikh vremen* [The History of the Town of Kasimov since Ancient Times]. Ryazan: Tipolitografiia N. Malashkina. (In Russian)

Velyaminov-Zernov, V. V. (1863–1866). *Issledovaniie o kasimovskikh tsariakh i tsarevichakh* [A Study on the Kasimov Tsars and Tsareviches] (Pts. 1–3). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russian)

Veselovskii, S. B. (1926). *K voprosu o proiskhozhdenii votchinного rezhima* [On the Origins of the Patrimonial Regime]. Moscow: Rossiiskaia assotsiatsiia nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennikh nauk. (In Russian)

Zimin, A. A. (1960). *Reformy Ivana Groznogo (Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii seredini XVI v.)* [Reforms of Ivan the Terrible (Essays on Socio-Economic and Political History of Mid-16th Century Russia)]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literaturi. (In Russian)